

УДК 340
ББК 67.0

КЛАССИФИКАЦИЯ ЮРИДИЧЕСКИХ КОЛЛИЗИЙ ИЕРАРХИЧЕСКОГО ВИДА

Артемова Светлана Юрьевна

Соискатель кафедры конституционного и муниципального права,
Волгоградский государственный университет
notmypost@mail.ru, kmp@volsu.ru
просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. В статье приводится классификация юридических коллизий. Также подвергнута комплексному рассмотрению классификация коллизий иерархического вида: между законами и подзаконными актами; между Конституцией РФ и иными правовыми актами, в том числе законами; между общефедеральными актами и актами субъектов Федерации, в том числе между конституциями; между Конституцией РФ и федеративным договором, а также двусторонними договорами между федеральным центром и отдельными территориями, равно как и расхождения между договорами самих субъектов; между национальным правом и международным правом. Это связано с тем, что многообразие и неопределенность юридических коллизий обуславливают необходимость в их классификации, что позволяет максимально полно раскрыть многогранность противоречий в праве.

Ключевые слова: коллизии, юридические коллизии, классификация юридических коллизий, иерархические коллизии, правоприменение, юридическая сила.

Понятие «юридические коллизии» является основным для понимания всех противоречий в праве. При этом коллизии в праве не только многочисленны, но и разнообразны по своему характеру, содержанию, отраслевой принадлежности, иерархии и способам разрешения. Многообразие и неопределенность юридических коллизий обуславливают необходимость в их классификации, что позволяет более полно раскрыть содержание данного понятия.

В юридической науке классификация юридических коллизий традиционно вызывает значительный интерес. Все авторы по-своему подходят к проблеме классификации коллизий, хотя принципиальных расхождений во взглядах на данную проблему, как правило, не возникает.

Традиционно правовые коллизии подразделяют следующим образом: во-первых, про-

тиворечия между правовыми актами или же отдельными нормами; во-вторых, противоречия в правотворчестве; в-третьих, противоречия в правоприменении; в-четвертых, противоречия полномочий или же статусов государственных органов, должностных лиц, и иных властных структур и образований; в-пятых, противоречия целей; в-шестых, противоречия между национальным правом и международным правом [5, с. 231–232].

Особо следует выделить классификацию юридических коллизий иерархического вида: «между законами и подзаконными актами; между Конституцией России и иными правовыми актами, в том числе законами; между общефедеральными актами и актами субъектов Федерации, в том числе между конституциями; между Конституцией России и федеративным договором, а также двусторонними договорами между федеральным центром

и отдельными территориями, равно как и расхождения между договорами самих субъектов; между национальным правом и международным правом» [7, с. 17]. Представленная классификация юридических коллизий иерархического вида «наиболее популярна в отечественной юридической литературе» [2, с. 43]. Рассмотрим ее более подробно.

1. *Противоречия между законами и подзаконными актами.* Соотношение закона и подзаконного акта является определяющим фактором в формировании и развитии всего правового массива. При этом «верховенство закона» признано в качестве главного проявления принципа «верховенства права». Конституционное закрепление приоритета закона среди иных правовых актов позволяет характеризовать последние как подзаконные, создаваемые на основе и во исполнение закона [10, с. 54]. В связи с этим данный вид коллизий разрешается в пользу законов, что определено Конституцией РФ (ч. 2 ст. 4, ч. 3 ст. 90, ч. 1 и 2 ст. 115, ч. 2 ст. 120). Согласно ст. 120 основного закона, при рассмотрении дела и установив несоответствие акта государственного или иного органа закону, суд принимает решение в соответствии с законом.

Аналогичная норма прописана и в ч. 5 ст. 3 Гражданского кодекса РФ, которая устанавливает, что в случае возникновения противоречия Указа Президента РФ, постановления Правительства РФ настоящему Кодексу или иному закону применяется настоящий Кодекс или соответствующий закон [1].

С практической точки зрения выявление противоречий между правовыми нормами, которые регулируют одни и те же или сходные общественные отношения, является актуальным вопросом. Так, ВС РФ в своем Решении от 19 марта 2014 г. № АКПИ14-79 «О признании частично недействующим абзаца 4 пункта 10 Правил определения и представления технических условий подключения объекта капитального строительства к сетям инженерно-технического обеспечения, утвержденных постановлением Правительства Российской Федерации от 13 февраля 2006 г. № 83» установил, что согласно абз. 4 п. 10 указанных Правил технические условия должны содержать срок действия таковых, но не менее двух лет с даты их выдачи. Так как

положения указанных Правил приняты во исполнение норм ГСК РФ, которые определены Федеральным законом от 30 декабря 2012 г. № 318-ФЗ «О внесении изменений в Градостроительный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации», в ч. 7 ст. 48 ГСК РФ внесены изменения, вследствие чего срок действия предоставленных технических условий определяется сроком не менее трех лет. Следовательно, положения абз. 4 п. 10 Правил противоречат нормативному правовому акту, который обладает большей юридической силой, и не соответствуют требованиям, указанным в ч. 7 ст. 48 ГСК РФ.

Так же следует отметить, что существуют федеральные законы, устанавливающие приоритет содержащихся в них норм над положениями других нормативных актов. К примеру, в ч. 1 ст. 3 Федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», в ч. 1 ст. 4 Федерального закона от 21 декабря 2001 г. № 178-ФЗ «О приватизации государственного и муниципального имущества».

Особенность таких противоречий заключается в том, что они носят массовый характер и причиняют наибольший вред государству и обществу в целом, так как объем подзаконных правовых актов продолжает расти.

2. *Противоречия между Конституцией Российской Федерации и иными актами, в том числе законами.* Данные противоречия разрешаются в пользу Конституции РФ. Так, исходя из положений ст. 15 основного закона РФ «Конституция Российской Федерации имеет высшую юридическую силу, прямое действие и применяется на всей территории Российской Федерации».

На практике нередко возникает вопрос о проверке конституционности тех или иных правовых актов. В качестве примера может служить Постановление КС РФ от 14 апреля 2008 г. № 7-П «По делу о проверке конституционности абзаца второго статьи 1 Федерального закона “О садоводческих, огороднических и дачных некоммерческих объединениях граждан”». В рамках проверки норм абз. 2 ст. 1 данного Федерального закона судом было установлено, что органы регистрационного учета отказывают гражданам в регистрации

по месту их постоянного жительства в возведенных жилых строениях на садовых, земельных участках, принадлежащих им на законных основаниях и пригодных для постоянного проживания, которые являются для них единственным местом жительства. Это происходит в связи с рассогласованностью норм земельного, градостроительного и гражданского законодательства «в системе правового регулирования», что, в свою очередь, нарушает конституционный принцип равенства. Таким образом, данные нормы противоречат Конституции РФ, а именно ч. 1 и 2 ст. 19, ч. 1 ст. 27 и ч. 3 ст. 55.

Вследствие слабого прогнозирования перспектив конституционного развития, в силу ошибочных конституционных идей, а также из-за неблагоприятной политической и экономической обстановки, в которой происходили разработка и принятие главного юридического документа страны, дефективность может быть заложена непосредственно и в тексте основного закона [4, с. 18]. Например, в регулировании правового статуса субъектов РФ существуют противоречия между ч. 1 ст. 5 (о равноправии всех субъектов РФ) и ч. 2 ст. 5 (в которой указано, что республика названа государством, а также республике предоставлено право иметь свою конституцию, а краю, области, городу федерального значения, автономной области, автономному округу – устав); в разграничении предметов ведения прослеживается явная коллизия между п. «в» ст. 71 и п. «б» ст. 72, оба пункта содержат защиту прав и свобод человека и гражданина и защиту прав национальных меньшинств.

Хотя данную коллизию можно рассматривать с точки зрения юридической техники, все же это осложняет применение Конституции РФ на практике. Если же относить указанные сферы общественных отношений к предметам ведения Российской Федерации, значит, субъекты РФ не имеют права их регулировать, а если к совместному ведению – имеют право в соответствии с федеральными законами [8, с. 10–12].

Однако сказанное ни в коем случае не является призывом к внесению поправок и пересмотру Конституции РФ, так как это приводит к дестабилизации правовой системы [3, с. 44–45].

3. Противоречия между общефедеральными актами и актами субъектов Федерации, в том числе между конституциями. В этом случае приоритет имеют общефедеральные нормативные акты. В соответствии с положениями основного закона «федеральные конституционные законы и иные законы, в пределах ее ведения, имеют прямое действие на всей территории Российской Федерации» (ч. 1 ст. 76), по предметам совместного ведения Российской Федерации и ее субъектов «издаются федеральные законы и принимаемые в соответствии с ними законы и иные нормативные правовые акты субъектов Российской Федерации» (ч. 2 ст. 76). В случае возникновения коллизий между законом субъекта Федерации и федеральным законом по предметам ведения РФ и совместного ведения РФ ее субъектов действует федеральный закон (ч. 5 ст. 76 основного закона). Данная норма прописана и в «дублирующем ее положении» [11] п. 1 ст. 3 Федерального закона от 6 октября 1999 г. № 184-ФЗ (в ред. от 21 июля 2014 г.) «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов субъектов Российской Федерации»: законы и иные правовые акты субъектов не могут противоречить федеральным законам, которые приняты по предметам ведения РФ и по предметам совместного ведения. В случае возникновения таких противоречий между федеральным законом и иными актами, изданными в Российской Федерации, действует федеральный закон.

Однако несмотря на однозначность смысла приведенной нормы, на практике возникает ряд сложностей. Так, Конституционный суд РФ не раз признавал неконституционными правовые акты субъектов Федерации из-за того, что они были приняты по предметам ведения Российской Федерации [8, с. 10–12]. К примеру, Постановление КС РФ от 7 июня 2000 г. № 10-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений Конституции Республики Алтай и Федерального закона “Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации”»; Определение КС РФ от 27 июня 2000 г. № 92-О «По запросу груп-

пы депутатов Государственной Думы о проверке соответствия Конституции Российской Федерации отдельных положений Конституций Республики Адыгея, Республики Башкортостан, Республики Ингушетия, Республики Коми, Республики Северная Осетия – Алания и Республики Татарстан».

Конституционность рассматриваемого права также подтверждена Постановлением КС РФ от 15 декабря 2003 г. № 19-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений закона Ивановской области “О муниципальной службе Ивановской области” в связи с запросом Законодательного собрания Ивановской области».

При этом если ранее принятый закон субъекта РФ, который регулирует вопросы совместного ведения Федерации и ее субъектов, противоречит принятому федеральному закону, то тогда действует федеральный закон [11].

4. Противоречия между Конституцией РФ и федеративным договором, а также двусторонними договорами между федеральным центром и отдельными территориями, равно как и расхождения между договорами самих субъектов.

Данные противоречия разрешаются на основании положений Конституции РФ (п. 4 ст. 1 разд. 2).

Разграничение предметов ведения и полномочий между органами государственной власти Российской Федерации, а также органами государственной власти субъектов, согласно ч. 3 ст. 11 Конституции РФ, осуществляется Конституцией РФ и федеративным и иными договорами о разграничении предметов ведения и полномочий.

Первый такой договор был заключен между органами власти Федерации и органами власти ее субъектов 31 марта 1992 года. Совокупность подобных договоров приобрела общее название «федеративный договор». Данный договор сыграл важнейшую роль в сохранении и упорядочении единства России как федерации. Впоследствии заключение договоров между Федерацией и ее субъектами получило свое дальнейшее развитие на практике. Большинство положений этих договоров было направлено на расширение и уточнение разграничения предметов ведения и полномочий в

пределах совместного ведения Российской Федерации и ее субъектов [6, с. 37].

5. Противоречия между национальным правом и международным правом. Важнейшие аспекты соотношения национального и международного права лежат также в основе положения, закрепленного ч. 4 ст. 15 Конституции РФ. В данном случае приоритет имеют международные нормы.

Формируемое и поддерживаемое соотношение двух правовых систем не исключает противоречий между ними, которые возникают, в том числе, и между нормами национального законодательства и нормами международных договоров [10, с. 346].

В соответствии с п. 2 ст. 3 Федерального закона от 15 июля 1995 г. № 101-ФЗ «О международных договорах Российской Федерации» международные договоры РФ заключаются с иностранными государствами, международными организациями и образованиями от имени Российской Федерации, Правительства РФ, а также федеральных органов исполнительной власти или уполномоченных организаций.

На практике к вопросу о применении международных договоров Российской Федерации неоднократно обращался Верховный суд РФ, в частности, в своем Постановлении от 31 октября 1995 г. № 8 «О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия», а также в Постановлении от 10 октября 2003 г. № 5 «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации».

Кроме того, следует отметить, что нередко возникает проблема противоречий решений Европейского суда по правам человека и Конституционного суда РФ.

Согласно положениям Федерального закона от 30 марта 1998 г. № 54-ФЗ «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней» Российская Федерация взяла на себя обязательство по соблюдению положений Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод и в соответствии со ст. 46 Конвенции обязуется исполнять постановления Европейского суда по правам человека по любому

делу, в котором выступает стороной Российская Федерация [9]. Однако вынесенное Европейским судом постановление не может влиять на национальную правовую систему в целом. На государство-ответчика возложена лишь обязанность выплатить заявителю компенсацию, установленную судом, а также на основании Постановления КС РФ от 26 февраля 2010 г. № 4-П гарантировать возможность пересмотра вступивших в законную силу судебных решений национальных судов в связи с принятием решения Европейским судом.

В качестве примера можно привести постановление Европейского суда от 7 октября 2010 г. по делу «Константин Маркин против России» (жалоба № 30078/06). Ранее Конституционный суд РФ в своем определении от 15 января 2009 г. № 187-О-О отказал К. Маркину в удовлетворении жалобы, сославшись на положения п. 9 ст. 10 Федерального закона «О статусе военнослужащих», согласно которому в армии право на отпуск по уходу за ребенком имеют только женщины-военнослужащие. Отсутствие такого права в соответствии с постановлением КС РФ объясняется спецификой прохождения военной службы и предъявляемыми в связи с этим требованиями к военнослужащим. Однако Европейский суд по правам человека счел неубедительной аргументацию Конституционного суда РФ и нарушающей ст. 8 и ст. 14 Конвенции о защите прав человека и основных свобод в ранее указанном постановлении Европейского суда. Таким образом, решения Конституционного суда РФ и Европейского суда оказались прямо противоположными.

В связи с этим Конституционный суд РФ в своем Постановлении от 6 декабря 2013 г. № 27-П приходит к выводу: если возникает конфликт по конкретному делу между КС РФ и Европейским судом по поводу правовых позиций касательно оценки подлежащих применению положений закона, то это ставит вопрос об их конституционности. Причем если мнение КС РФ было высказано в его определении, которым было отказано заявителю в рассмотрении дела по причине несоответствия его обращения критериям доступности, то это не препятствует суду, впоследствии рассматривающему дело, в котором обнаружился подобный конфликт, обратиться в КС РФ с

требованием заново проверить конституционность тех же законоположений. Основанием для такого обращения может послужить окончательное решение Европейского суда относительно несоответствия применяемых норм Конвенции. Так же можно сказать, что если в результате такого нового обращения КС РФ найдет эти нормы соответствующими Конституции РФ, то тогда сам КС РФ должен будет в рамках своей компетенции определить возможные конституционные способы исполнения постановления Европейского суда.

Исходя из вышеизложенного можно выделить следующие черты иерархических коллизий: 1) существование двух и более норм в системе законодательства по одному вопросу; 2) конфликтная ситуация появляется в случае, когда имеется одно фактическое отношение, которое может регулироваться этими юридическими правилами; 3) коллидирующие нормы должны действовать одновременно.

Таким образом, иерархические коллизии представляют собой конфликт, который выражается в форме противоречия или разногласия и возникает в результате одновременного регулирования одних и тех же общественных отношений правовыми предписаниями разной юридической силы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) : федер. закон от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 1994. – № 32. – Ст. 3302.
2. Давыдова, М. Л. Классификация юридической техники как научная проблема / М. Л. Давыдова // Пробелы в российском законодательстве. – 2009. – № 2. – С. 41–44.
3. Мамут, Л. С. Конституция и реальность / Л. С. Мамут // Конституция как фактор социальных изменений : сб. докл. – М. : Центр конституц. исслед. Моск. обществ. науч. фонда, 1999.
4. Матейкович, М. С. Дефекты конституционно-правового регулирования в Российской Федерации / М. С. Матейкович // Государство и право. – 2007. – № 12. – С. 15–21.
5. Матузов, Н. И. Коллизии в праве: причины, виды и способы разрешения / Н. И. Матузов // Правоведение. – 2000. – № 5. – С. 225–244.
6. Мицкевич, А. В. Источники (формы выражения) российского права. Историко-теоретичес-

кий очерк. Закон: создание и толкование / А. В. Мицкевич. – М. : Спартак, 1998. – 37 с.

7. Патракова, И. И. Классификация юридических коллизий. История и современность / И. И. Патракова // История государства и права. – 2010. – № 10. – С. 16–18.

8. Стародубцева, И. А. Особенности коллизий в конституционном законодательстве / И. А. Стародубцева // Конституционное и муниципальное право. – 2012. – № 4. – С. 9–13.

9. Сухов, Э. В. Проблема противоречий решений Европейского суда по правам человека и Конституционного суда Российской Федерации / Э. В. Сухов // Социально-политические науки. – 2011. – № 1. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://cyberleninka.ru>. – Загл. с экрана.

10. Тихомиров, Ю. А. Коллизионное право / Ю. А. Тихомиров. – М. : Юринформцентр, 2000. – 394 с.

11. Юридические приоритеты и коллизии в федеральном законодательстве / Ю. А. Тихомиров [и др.] // Журнал российского права. – 2008. – № 11. – С. 12–28.

REFERENCES

1. Grazhdanskiy kodeks Rossiyskoy Federatsii (Chast pervaya): federalnyy zakon ot 30.11.1994 № 51-FZ [Civil Code of the Russian Federation (Part One): The Federal Law of November 30, 1994 no. 51-FL]. *Sobranie zakonodatelstva RF*, 1994, no. 32, art. 3302.

2. Davydova M.L. Klassifikatsiya yuridicheskoy tekhniki kak nauchnaya problema [Classification of Legal Technique as a Scientific Problem]. *Probely v rossiyskom zakonodatelstve*, 2009, no. 2, pp. 41–44.

3. Mamut L.S. Konstitutsiya i realnost [Constitution and Reality]. *Konstitutsiya kak faktor sotsialnykh izmeneniy: sbornik dokladov* [The Constitution as a Factor of Social Change. Collected

Papers]. Moscow, Tsentr konstitutsionnogo issledovatel'skogo Moskovskogo obshchestvennogo nauchnogo fonda Publ., 1999.

4. Mateykovich M.S. Defekty konstitutsionno-pravovogo regulirovaniya v Rossiyskoy Federatsii [Defects of the Constitutional and Legal Regulation in the Russian Federation]. *Gosudarstvo i pravo*, 2007, no. 12, pp. 15–21.

5. Matuzov N.I. Kollizii v prave: prichiny, vidy i sposoby razresheniya [Confusion in the Law: Causes, Types, and Resolutions]. *Pravovedenie*, 2000, no. 5, pp. 225–244.

6. Mitskevich A.V. *Istochniki (formy vyrazheniya) rossiyskogo prava. Istoriko-teoreticheskiy ocherk. Zakon: sozдание i tolkovanie* [Sources (Forms of Expression) of the Russian Law. Theoretical and Historical Essay. The Law: the Creation and Interpretation]. Moscow, Spartak Publ., 1998. 37 p.

7. Patrakova I.I. Klassifikatsiya yuridicheskikh kolliziy. Istoriya i sovremennost [Classification of Legal Conflicts. History and Modernity]. *Istoriya gosudarstva i prava*, 2010, no. 10, pp. 16–18.

8. Starodubtseva I.A. Osobennosti kolliziy v konstitutsionnom zakonodatelstve [Features of Conflicts in Constitutional Law]. *Konstitutsionnoe i munitsipalnoe pravo*, 2012, no. 4, pp. 9–13.

9. Sukhov E.V. Problema protivorechiy resheniy Evropeyskogo suda po pravam cheloveka i Konstitutsionnogo suda Rossiyskoy Federatsii [The Problem of Inconsistency of Judgments of the European Court of Human Rights and the Constitutional Court of the Russian Federation]. *Sotsialno-politicheskie nauki*, 2011, no. 1. Available at: <http://cyberleninka.ru>.

10. Tikhomirov Yu.A. *Kollizionnoe pravo* [Conflict Law]. Moscow, Yurinformtsentr Publ., 2000. 394 p.

11. Tikhomirov Yu.A., et al. Yuridicheskie prioritety i kollizii v federalnom zakonodatelstve [Legal Priorities and Conflicts in Federal Legislation]. *Zhurnal rossiyskogo prava*, 2008, no. 11, pp. 12–28.

CLASSIFICATION OF HIERARCHICAL LEGAL CONFLICTS

Artemova Svetlana Yuryevna

Candidate for a Degree, Department of Constitutional and Municipal Law,
Volgograd State University
notmypost@mail.ru, kmp@volsu.ru
Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation

Abstract. The article provides the classification of legal conflicts. The classification of hierarchical legal conflicts is also subjected to a comprehensive review: between laws and regulations; between the Constitution of the Russian Federation and other legal acts, including laws; between Federal regulations and acts of the subjects of the Federation, including those between constitutions; between the RF Constitution and Federal contract, as well as bilateral agreements between the Federal Center and separate territories and the differences between

the contracts of the actors; between national law and international law. This is connected with the fact that the diversity and uncertainty of legal conflicts necessitates their classification, which allows to fully reveal the diversity of contradictions in the law. It should also be noted that there is often a problem of the contradictions of the European Court of Human Rights and the Constitutional Court of the Russian Federation.

Based on the analysis of the Russian Constitution, the Civil Code of the Russian Federation, Federal laws and court decisions, the author concludes that a hierarchical conflict represents a conflict which is expressed in the form of conflict or disagreement aroused as a result of the simultaneous control of the same public relations by different legal authorities.

Key words: conflicts, legal conflicts, classification of legal conflicts, hierarchical conflicts, enforcement, legal force.